

Чхиквадзе Рамаз

Третий Чеховский

Как возродиться в пляске смерти?

Ольга ФУКС

Выбор пьесы Стриндберга «Пляска смерти», одной из самых сложных в мировом репертуаре, которую поставил в Тбилисском театральном центре Автандил Вахрамашвили с Рамазом Чхиквадзе («кавказским Лоренсом Оливье»), произошел следующим образом. В Тбилиси шла война, город горел, а живая легенда грузинского театра Рамаз Чхиквадзе сидел на верхнем этаже недостроенного дома и сходил с ума от невозможности играть. Неожиданно для себя он пристрастился к рисованию (его работы потом попадут на московскую выставку «Звезды рисуют» вместе с работами Ливанова и Тарковского) и к миллиарду, в который он играл сам с собой, «неизменно выигрывая». И тогда жена Рамаза Наталья Чхиквадзе, в прошлом дипломированный специалист по цветным металлам, а ныне — один из самых успешных театральных продюсеров Грузии, энергии которой мог бы позавидовать президент, заявила мужу: «Если ты не начнешь работать, я от тебя уйду».

Вот в такое время и встретился Рамаз Чхиквадзе с режиссером Автандилом Вахрамашвили. Решили остановиться на Стриндберге — наверное, потому, что настроение этой мрачной пьесы лучше всего соответствовало происходящему вокруг. Репетировать начинали в большой гостиной в доме Чхиквадзе. Премьеру сыграли в Италии в самый разгар абхазских событий. В перерывах припадали к радиоприемнику, слушая последние новости с родины. Сейчас «Пляска смерти» идет в маленьком помещении центра, переделанном буквально из подвала. Рамаз сокрушался: «Где я начинал и где приходится заканчивать!». Наталья не соглашалась: «Здесь ты начинаешь вновь, возрождаешься».

Грузинская «Пляска смерти» — это попытка соединить высокую драматургию с компактной неприятельской постановкой, удобной для гастролей и любых условий. Стол, окно, пару стульев, патефон, игрушечный прудик глубиной с блюдце (после додинского бассейна, куда актеры ныряли с головой, этот минимализм выглядит даже трогательно) — это если говорить о декорациях. Если о самой постановке, то режиссер из всей «Пляски» с обилием сюжетных линий и героев, страстей и смыслов выбрал только одну — историю любовного треугольника Эдгара (Рамаз Чхиквадзе), его жены Элис (Нана Пачуашвили) и их друга Курта (Гурам Сагарадзе). Эта история не предполагает развития сюжета и психологических мотивировок, а сразу, без подготовки, бросает нас в ситуа-

цию, в которой оказались трое постаревших людей, чья многолетняя связь замешана на взаимной вине, на нерасторжимом единстве любви и ненависти. Так, ненавидя своего грубого, жестокого мужа, мечтая о его смерти и своей свободе, Элис продолжает беззаветно любить его, мешая в своем поведении ненависть разъяренной фурии с почти материнской заботой о нем. Так, оберегая свою многолетнюю романтическую мечту об утонченном интеллигенте Курте, с которым разлучила ее жизнь, Элис, молча и почти смиренно (только слез не смогла сдерживать), принимает известие о его, Курта, бесчестии и примиряется с этим. В жизни мы видим подобные парадоксы на каждом шагу, но, приумноженные и заостренные силой искусства, они оставляют сильное и тревожное впечатление.

Что касается Рамаза Чхиквадзе, на которого, в первую очередь, и шли (не в обиду будет сказано его достойным партнерам), то он и в спектакле Автандила Вахрамашвили — Рамаз Чхиквадзе. С первой же секунды — за пределный, беспощадный к другим, но прежде всего к самому себе, темперамент. Психологически безупречное «проживание» роли, помноженное на абсолютное музыкальное чувство формы, что так не часто уживается в одном актере. Взрывоопасная смесь жестокости и честности, собственного бессилия на пороге смерти и диктаторской жажды власти, которая в ком-то умирает последней. Вот что такое работа Рамаза Чхиквадзе в «Пляске смерти». Только вряд ли можно назвать ее «возрождением». Как там ни верти, наше время — время режиссерского театра, и как бы ни мечтал последний об актерах-Личностях, об актерах, которые сами себе — космос, уповать только на гений актера сейчас нельзя. Когда режиссер, подобно Автандилу Вахрамашвили, использует только расхожие приемы, вроде смены света при смене настроения, и ставит перед собой задачу только послушно следовать тексту, не пытаясь по-своему прорваться сквозь поверхность слов в глубину смысла и сделать своего Стриндберга, тогда получается довольно средний спектакль с великолепными актерами. Не больше.

На своей творческой встрече Рамаз Чхиквадзе рассказал, что Роберт Стура предложил ему сыграть Шейлока в «Венецианском купце», но он «не полюбил эту роль». Мне почему-то было жаль услышать это признание, хотя я не знаю всех подтекстов этой «нелюбви». И очень хочется надеяться, что многолетний тандем Стура—Чхиквадзе все-таки продлится и мы еще увидим его результаты.

Вел. Москва. - 1998. - 26 мая. - с. 7.